

Мастерская И. К. Айвазовскаго.

Полдень. Небо покрыто чудными облаками, по морю несется на всѣхъ парусахъ великолѣпный корабль; онъ спѣшитъ на помощь къ несчастнымъ, потерпѣвшимъ крушеніе, а вдали синѣетъ Афонская гора.—Высокая поэтическая мысль этой чудной картины невольно заставляетъ перенестись къ минувшей катастрофѣ: несчастные пловцы, потерявъ во время бури свой корабль, собрали кое-какіе пожитки, изъ остатковъ судна сволотили себѣ плотъ и, спасая флагъ, борются съ волнами; но вотъ, вотъ—и они спасены. Невольно радуешься за бѣдняковъ. Произведеніе это—одно изъ лучшихъ въ мастерской художника и, должно полагать, вылилось изъ подъ кисти въ минуту вдохновенія,—такъ все полно гармоніи въ этой картинѣ!—

Пасмурное небо дышетъ жизнью, волнуется море, и вдали Амстердамъ со множествомъ кораблей. На первомъ планѣ, съ лѣвой стороны, красивый бригъ; накренившись онъ быстро несется прямо къ зрителямъ, а на право вѣтряная мельница на полномъ ходу.—

Сколько мастерства въ этой картинѣ. Это одно изъ тѣхъ свѣтлыхъ, оконченныхъ про-

изведеній, которыя живо напоминаютъ собою счастливую эпоху Фламандской школы. Небо въ этой картинѣ исполнено такихъ высокихъ красоть, что знаменитый Рювзаль поблѣднѣлъ бы отъ зависти, если бы могъ воскреснуть и взглянуть на эти чудныя облака. А что за колоритъ! Кажется, чувствуешь эту сырую атмосферу Нидерландовъ.

Но вотъ, по мановенію волшебнаго жезла, художникъ переноситъ васъ въ теплый край; вы на очаровательномъ берегу Байскаго залива; предъ вами рядъ картинъ: *Утро въ Неаполь, Ночь въ Амальфи, Вечеръ въ Солерно и Ночь въ виду острова Искіо*. Какая прелесть! Взоръ ни на минуту не хочетъ оторваться отъ этихъ образцовыхъ произведеній искусства.

Насладившись прелестью Итальянскаго неба, обаятельною тишиною и прозрачностію водъ Байи, вы вдругъ цѣпенѣете при взглядѣ на бурное небо, освѣщенное красноватымъ тономъ заходящаго солнца; волны, покрытыя пѣною, грозно вздымаясь, разбиваются о гранитныя скалы; на первомъ планѣ страшная пучина, изъ которой вынырнулъ обломокъ мачты, а нѣсколько далѣе плаваетъ бочка, — все что только осталось отъ несчастнаго корабля, погибшаго у негостепріимнаго берега. — Глядя на эту грозную стихію, чувствуешь невольный трепеть, особенно, когда обратишь вниманіе на матроса, выброшеннаго волнами на гранитную скалу: бѣднякъ судорожно хватается за голые камни и, съ опасностію на каждомъ шагу, карабкается, стараясь спасти себя отъ угрожающей опасности. —

Послѣ этой драматической картины взоръ вашъ отдыхаетъ: вы любуетесь видомъ Малаги при вечернемъ освѣщеніи; но рядомъ съ этой картиной — опять буря.

Переходя такимъ образомъ отъ картины къ картинѣ, вы невольно поражаетесь то ужасомъ, то нѣгой, то чувства ваши вдругъ преисполнены высокимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ. Здѣсь бурное море поглотило въ

безднахъ своихъ и челоуѣва и его достояніе; тамъ Неаполитанка, окруженная апельсинами и освѣщенная теплымъ утреннимъ солнцемъ, съ нѣгой отбросивъ бубенъ, раскинулась на терасѣ и держитъ на рукахъ ребенка, который, протягивая ручки, перекликается съ своимъ отцемъ, отправляющимся на рыбную ловлю. Вотъ раздаются звуки волюнокъ, — то Пиферари играютъ предъ статуею Мадонны; на балконѣ склонилась задумчиво дѣвушка и, любуясь тихою, чудною ночью, слушаетъ игру на волюнкахъ.

Вездѣ жизнь, поэзія, правда!

Съ грустью уходишь изъ мастерской и съ нетерпѣніемъ ждешь, когда опять можно будетъ придти и снова насладиться созерцаніемъ гениальныхъ произведеній великаго художника!

Харьковъ, 3 Февраля 1855 г.
